

П. Реньяр

Умственные эпидемии
историко-психиатрические очерки

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 159.9
ББК 88
П11

П11 **П. Реньяр**
Умственные эпидемии: историко-психиатрические очерки / П. Реньяр – М.: Книга по Требованию, 2024. – 122 с.

ISBN 978-5-517-88432-9

Историко-психиатрические очерки Поля Рентяра. Перевод с французского Эл.Зауэр. Санкт-Петербург, издание Ф. Павленкова. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1889 года.

ISBN 978-5-517-88432-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

становится служителем Сатаны в этом мире, прежде чем сделаться его рабом на том свете

У Бога есть священнослужители и верные последователи на земле. Каждое воскресение Он собирает их в своем храме. Сатана тоже имеет своих слуг и преданных ему людей. Он установил для своих целей как бы особый приемный день и собирает их ночью в каком нибудь уединенном месте. Это и есть шабаш. По представлениям средневековых богословов, колдун — это человек, дезертировавший из армии добра и перебежавший в стан Сатаны. Он — его раб на земле, который слепо ему повинует и совершает, по его требованию, все преступления против избранников Божьих. Колдун есть, следовательно, злейший враг всего человечества, изменник, скрывающийся в армии добра, втайне наносящий болезни и отравы по приказанию своего повелителя. Его преступление превосходит все существующие. Он ужаснее всех вследствие присущей ему таинственности. Колдун не заслуживает пощады. Вот когда вновь выходят на сцену грозные слова из книги Левит: "если будут они вызывать мертвых или волх вовать, да будут преданы смерти"!

Этот воин Сатаны, этот служитель зла, каким образом достигает он своих целей? Мы узнаем это из тщательного разбора процессов и допросов колдуний. Я очень внимательно просмотрел большую часть относящихся сюда юридических документов и признаюсь, что они производят весьма тяжелое впечатление. В них бессмысленное примешивается к ужасному, вульгарное встречается наряду с возвышенным, мужество обвиняемых поражает, а тупость судей корбит душу: чувствуешь, что вращаешься среди безумцев, но затрудняешься сказать, кто же из них сильнее помрачен — несчастные ли, обвиняющие себя, или судьи, их приговаривающие. Чтение таких процессов одновременно и грустно, и смешно. Одно из светил французской медицины определило его следующим образом: "это чтение подвергает читателя попытке щекотанием — смех примешивается к страданию".

Мишле где-то говорит, что колдунии были порождением отчаяния. Источником этой формы сумасшествия действительно была бедность, страдания или горе, подобно тому, как и ныне указанные нами факторы часто вызывают меланхолический или горделивый бред. Форма помешательства была иная, вследствие различия в нравах эпохи, но результат был одинаков. В один прекрасный вечер к женщине, подверженной конвульсивным припадкам, являлся изящный и грациозный кавалер. Он нередко входил через открытую дверь, но чаще появлялся внезапно, словно вырастая из-под земли. Соблазнитель почти никогда не выглядел отталкивающе.

Посмотрим, как описывают его колдунии на суде: он одет в белое платье, а на голове у него черная бархатная шапочка с красным пером или же на нем роскошный кафтан, осыпанный драгоценными камнями, вроде тех, что носят вельможи. Незнакомец является или по собственной инициативе, или на зов, или же на заклинание своей будущей жертвы. Он предлагает ведьме обогатить ее и сделать могущественной, показывает ей свою шляпу, полную денег, но, чтобы удостоиться всех этих благ, ей придется отречься от крещения, от Бога и отдаться Сатане душой и телом.

Не трудно догадаться, что мы имеем здесь дело с формой ясно выраженной галлюцинации. Женщина, которую гложет какое-нибудь горе, вдруг видит перед собой образ, похожий на видения, описания которых ей так часто приходилось слышать с самого детства. Это существо, внушающее страх, есть Сатана. Он предлагает все блага с тем, чтобы отдалась ему... Прочь колебания! Современные галлюцины поступают точно так же, но только в их видениях фигурируют

принцы и государи, подносящие им отличия и префектуры. Сатана прибегает к маскировке только при первом появлении, затем он не скрывает больше своей личности и совершенно ясно объявляет, кто он такой, и на первый предложенный ему вопрос отвечает перечислением всех своих достоинств. Дьявол высшей категории появляется таким образом весьма редко. Обыкновенно же это бывает простой рядовой из полчищ Сатаны, призывающий на подмогу одного из своих начальников только в том случае, если первая попытка окажется неудачной. По-видимому, в аду царит принцип разделения труда, равно как и очень строгая иерархия, так как самый благоразумный из известных нам демонологов, Жан Вейер, насчитывает в Сатанинской армии 62 герцога, маркиза и графа и 7 405 928 чертенят.

Стремясь к обращению новой жертвы, дьявол использует любые средства (обратите внимание на оборот, принимаемый галлюцинацией), он нередко даже говорит о Боге, и притом только хорошее. Однажды близ Дуэ ему повстречалась Луиза Марешаль, шедшая на богомолье для упокоения души своего мужа. Он советует ей усердно молиться Богу и надеяться. Затем он вручает ей маленький раскрашенный шарик, обладающий свойством обрекать на гибель все, к чему он прикоснется. Луиза Марешаль, уличенная в пользовании этим шариком в своей семье, была сожжена живой в Валансьене.

В другой раз демон появляется в Сен-де-Дюке. Он советует женщине идти на богомолье в Сен-Гилен и заказать там заупокойную обедню для своего мужа. Этот факт нелогичен, но зато весьма ценен для медиков, так как и у нынешних галлюцинаток мы констатировали такую же особенность. Достаточно непродолжительное время прослужить в лечебнице для душевнобольных, чтобы увидеть там принцесс, объявляющих, что они будут принимать свой двор после того, как уберут посуду.

Не стоит думать, что демон обращался исключительно к престарелым субъектам, напротив, он любил детей. В больших умственных эпидемиях они, как правило, заражаются первыми. Катерина Полюс была ведьмой в 8 лет. Она происходила из семьи, в которой все страдали сумасшествием, и объяснила, что была посвящена дьяволу. Мария Девин стала колдуньей в 13 лет.

Но возвратимся к посвящению в ведьмы. Демон, сделав известные предложения ведьме, называл ей свое имя. Характерно при этом то, что он никогда не носил библейских имен, столь излюбленных демонологами. В своих галлюцинациях крестьянка давала ему мужицкое имя: Жоли, Робен и т. д. В свою очередь, из зависти к небу, демон крестил ведьму, не заботясь о том, именем ли святой он ее крестит или нет. Затем он налагал на нее знак, получивший впоследствии большую важность — он прикасался к ее руке, лбу, месту за ухом, и с этого момента все эти точки становились на веки нечувствительными, так что можно было их колоть, не вызывая ни боли, ни крови. Именно оно породило представление о *печати сатаны*. Мы увидим, какие результаты были извлечены из этого обстоятельства во время процессов ведьм.

Демон часто навещал вновь обращенную жертву, утешал ее и в заключение вручал ей документы, которые свидетельствовали о ее формальном приеме в царство преисподней. Это и был договор, на котором каждый вновь приобщенный ставил свою подпись. Обыкновенно его писали собственной кровью, а демон прикладывал к нему свой коготь. Я отыскал в богословском трактате, напечатанном в 1625 году Жильбером де Восом, факсимиле таких подписей, оставленных духами. На этом рисунке видно, что все места, которых касались пальцы демона, покрыты ржавчиной и выжжены; на другом рисунке виден след, оставленный духом на договоре. Далее я приведу письмо демона, сохранившееся в Национальной библиотеке и испещренное орфографическими ошибками.

Не следует, впрочем, предполагать, что демон в точности исполнял свои обещания. Ненадежность его слов обнаруживалась весьма быстро, потому что сразу же после его ухода ведьма замечала, что вместо полученных золота и драгоценностей, у нее осталась всего лишь охапка сухих листьев или несколько кусочков дерева.

Современным душевнобольным тоже не чужды подобные неприятные разочарования, когда, по прошествии галлюцинации, они убеждаются в том, что их скипетры, шпаги и драгоценности на самом деле самые обыденные, некрасивые, ничего не стоящие предметы.

Я уже говорил, что для Сатаны все средства хороши и любые мистификации возможны. Если демон решил прельстить какого-нибудь великого святого или высокочтимого отшельника, то он найдет на него легион чертовок чудесной красоты, так как в аду, по-видимому, есть и женщины. Это его излюбленный прием, который он часто с успехом применяет. Однако случается, что и ему наносят урон: вспомните по этому поводу св. Антония. Нередко, для более успешной мистификации, волк облачается в личину пастыря, а злой дух — в маску отшельника. На одной старинной гравюре злой дух изображен в образе монаха. В таком виде он забрался в монастырь Сен-Лефроя, но его узнали по его куриным лапам и жестоко наказали.

В заключение скажем, что колдовство, или, точнее, демонопатия, подобно всем формам помешательства, начинается рядом галлюцинаций. На первый взгляд сходство галлюцинаций у всех колдуний может показаться поразительным. В этом, однако, нет ничего странного, поскольку на форму помешательства решающее влияние оказывает действительность: в прежние времена безумцам являлись видения демонов и духов, а современных душевнобольных, находящихся в лечебницах, нередко преследует физика и мерещатся индукционные катушки и электромагниты. Я помню одну больную учительницу, находившуюся в Сальпетриере, которая до такой степени бредила статическим электричеством, что ходила целыми днями и даже спала с фарфоровой чашкой для умывания на голове, объясняя это плохой электропроводимостью фарфора. Процесс помешательства всегда одинаков, а господствующие идеи изменяют только его внешние проявления.

Но возвратимся к нашей колдунье и посмотрим, во что превратилась ее жизнь с того момента, как она отдалась Сатане. Прежде всего, она обязана была ему повиноваться, так как входила в состав армии зла. Сатана имел право рассчитывать на ее службу и содействие. Она могла слезать и совершала злокозненные поступки, вместе с тем она подвергалась конвульсивным припадкам, на которых нам необходимо остановиться отдельно. Лишь после внимательного чтения процессов ведьм можно составить отчет о преступлениях, которые им ставились в вину. Воден, Богэ, де-Ланкр, Николай Реми, представители судебного мира, которым в разное время поручалось произвести дознание в процессах ведьм, постарались оставить нам их подробное описание. Всего было 15 преступлений, в которых их уличали: из них 10 — против Бога и 5 — против людей. Прежде всего, колдуньи отрекаются от Бога, предают Его поруганию, поклоняются дьяволу, заключают с ним договор, посвящают своих детей Сатане, умерщвляют их до крещения, занимаются пропагандой, призывают дьявола и, наконец, не признают законов природы. В преступлениях против людей пункты обвинения отличались большей точностью. Они касались не преступлений против веры, а лишь нарушений общего права, которые отличались от обыкновенных преступлений только необычностью средств, пущенных в дело, и способом их приобретения. С первого же свидания дьявол дарит ведьме волшебные порошки. Стоит только подмешать ничтожное количество этого порошка к пище какого-нибудь человека, чтобы он тотчас погиб или же умер медленной смертью от истощения. Иногда

ведьме достаточно было бросить всего щепотку магического порошка на прохожего, чтобы тот моментально умер. Иногда же, для придания средству действенности, ей надо было произнести несколько магических слов. У Бодена и Вейера сохранились эти страшные слова, и если вы не боитесь их магического действия, то я дерзну начертать их здесь: "Joth, aglanabarothe el abiel ena thiel amasi sidomel gayes folonia elias ischiroso athanatos ymas eli messias".

Порошок изготавливали из трупов новорожденных, главным образом из их сердец. Кроме этого, его еще делали из смеси толченых костей мертвецов с пеной жаб. Вот почему колдуний нередко обвиняли в том, что они воспитывали этих животных и пасли их, что не совсем ясно. Помимо порошков, были еще мази, но они употреблялись редко, так как для обращения с ними требовалось много умения. В их состав входил жир мертвецов и мандрагора, эти снадобья фигурируют и на шабашах. Нельзя не отметить того странного обстоятельства, что все подобные порошки были совершенно безвредны в руках обыкновенных людей, а для проявления их действия было необходимо, чтобы они исходили от ведьмы. Это служило лучшим доказательством их магического свойства, и сама безвредность этих препаратов превращалась в подавляющий аргумент против ведьмы: такова была логика судей.

Когда ведьма рассеивала свои порошки по жатве, то всходы начинали чахнуть, поля покрывались сусликами, червями, жабами и громадными змеями. Иногда было достаточно посыпать этим порошком или произнести несколько магических слов, чтобы перенести плодородие с поля одного крестьянина на поле соседа. Ведьмы имели также власть насылать проливные дожди и град. Для этого им стоило только ударить по луже палкой. Если человек чувствовал, что стал жертвой козней колдуньи, и желал уклониться от них, то он прибегал к привычным в такого рода случаях средствам. Они были разнообразны. Можно было, например, прибегнуть к заклинаниям — есть такие магические слова, которые обладают свойством изгонять дьявола — ими наполнен толстый том в 400 страниц. Но большое число вспомогательных средств прямо указывает на их слабость, поскольку, если бы существовало какое-нибудь достаточно действенное средство, то оно одно бы и сохранилось. Иезуиты, капуцины и доминиканцы специально занимались заклинаниями.

Вообще, удобнее всего было вступать в *компромисс с дьяволом*. Первый факт, который необходимо было установить потерпевшему, — личность колдуна или колдуньи. Ничего не могло быть проще: с этой целью нужно было кипятить в новом глиняном горшке иголки вместе с дубовыми щепками. Первый, кто после этого явится в дом, и есть колдунья, и тогда можно без всяких колебаний донести на нее в суд. Отсюда видно, как опасно было в те времена посещать своих друзей. Когда колдун разыскан, необходимо было молить его об избавлении. Тогда он вызывал Сатану и погружал фунтовый хлеб в освященную воду. На этом дело и заканчивалось. Служитель Сатаны, употребляющий святую воду, какая в этом звучит ирония!

Если колдунья постоянно наносила ущерб окружающим, то из этого не следует заключать, что ее собственная жизнь была непрерывным празднеством. Мы уже видели, как дьявол обманывал ее, превращая подаренные ей драгоценности в негодные предметы. Хуже того, при малейшей попытке неповиновения с ее стороны, демон бил и терзал свою жертву, вселялся в нее и делал ее одержимой, как говорили в те времена. Он выступал от ее имени и ее устами изрекал кощунства, направленные против самого Бога. Тогда происходил целый ряд явлений, представляющих большой интерес в медицинском отношении. Обращаю на них внимание читателя, так как мы с ними встретимся вновь при изучении одной болезни, хорошо известной в наши дни. Знакомство с ними позволит нам

объяснить реальный элемент в колдовстве. Борьба обыкновенно принимала этот характер в присутствии заклинателя, и дьявол, чтобы не упустить своей жертвы, вселялся в нее. Иногда он скручивал одержимую и повергал ее в страшные конвульсии: на это зрелище собиралась толпа соседей, и не трудно было предвидеть, что не счастливой угрожала близость уголовного процесса. Описание таких припадков у колдуний завело бы нас слишком далеко. А потому я заимствую из трактата о демонизме, напечатанного в 1659 году в Амстердаме Абрамом Палингом, несколько гравюр, которые познакомят читателя с их различными моментами. Например, во время обеда колдунья вдруг падала на пол со страшным криком. Она билась в судорогах, ее лицо утрачивало человеческий облик, и сам дьявол сводил ее черты. Посмотрите, какой испуг написан на лицах всех приглашенных. Все ее тело вздрагивало, она оглашала воздух воплями, изо рта у нее шла пена. Наконец, дьявол покидал ее, при чем его выход из тела бесноватой сопровождался страшными приступами рвоты. Вот еще одна гравюра того же автора, на которой колдунья представлена в таком же состоянии, с той лишь разницей, что припадок совершается иначе, и присутствующим стоит ужасных усилий удержать не счастливую, которая пытается выброситься в окно. Затем у этого же автора мы находим колдунью, которая падает на пол во время семейного совещания. Обратите внимание на то, как у нее отведены назад кисти рук. Это — характерный признак, к которому я вскоре возвращусь.

Особенно часто подобные припадки беснования случались во время проповедей и церковных обрядов. Привожу еще одну гравюру, заимствованную у Палинга, на которой изображен припадок, начавшийся в самой церкви, в то самое время как проповедник трактует о власти демона.

Внимательно ознакомившись с описаниями припадков, можно сделать вывод о том, что сведение членов у бесноватых могло достигать необычайной степени. Посмотрите на эту старинную картинку, на ней изображен несчастный, стоящий на голове вверх ногами, который вызывает изумление у всех присутствующих. Других сводило в виде душ они опирались лишь на затылок и на пятки, за тем ими овладевали конвульсии, во время которых их подбрасывало вверх. Завершался припадок бредом и рвотой.

Перехожу к очень важному явлению в колдовстве, а именно к ряду вызванных (проvoquees) галлюцинации, подавших повод к появлению представлений о шабашах ведьм. Из зависти к Богу дьявол задумал, подобно ему, раз в неделю собирать своих приверженцев. С этой целью он учредил шабаш, на котором в искаженном виде совершаются все церковные обряды.

Существует два главных шабаша — малый и большой. Вся разница между ними заключается лишь в том, что на большой шабаш собираются колдуньи всего округа. Это сборище обычно происходит ночью в пустынной местности заросшей вереском, на покинутом кладбище, вокруг виселицы, развалин замка или монастыря. Чтобы попасть туда, ведьмы пользуются весьма простым средством — дьявол вручил колдунье специальную мазь, приготовленную из печени детей, умерших некрещеными. Колдунье достаточно намазать себе тело этой мазью, произнести магические слова и сесть верхом на помело, чтобы тотчас же полететь по воздуху. По общему мнению, в состав этих мазей входил сок паслена, мандрагоры и белладонны, обладающих свойством вызывать продолжительные и связанные галлюцинации.

Взгляните на гравюру XVIII века — на ней изображена колдунья, намазывающая тело, в то время как другая уже вылетает из трубы верхом на палке. Иногда колдунья просто призывала своего демона, тот сажал ее себе на плечи и летел с ней. Нечто подобное изображено на гравюре заимствованной нами из

"Богословского Трактата", написанного в XVI веке преподобным отцом Гуаичиусом

Во время пути колдуньи защищали себя от дождя какими-нибудь магическими словами. Посетители шабаша подвергались предварительному осмотру, они должны были доказать, что носят на теле печать Сатаны. Затем, оказавшись на шабаше, надлежало совершить поклонение Сатане, как председателю собрания. Он сидел на троне,

не переряженный и не переодетый, причем голова и ноги у него были козлиные (старинное предание о боге Пане). Кроме того, его украшал громадный хвост и крылья, как у летучей мыши. Впрочем, иногда он принимал и другой облик (ведь галлюцинации у всех колдуний не могли совпадать), и тогда он являлся в виде осла, большого кота-риса, черного кота и т.д.

На шабаше все происходило наизнанку. Сатане отвешивали низкие поклоны, но только повернувшись к нему спиной, затем торжественно отрекались от Бога, Богородицы, Святых и посвящали себя Сатане. Привожу старинные гравюры XVI века, на которых изображены эти различные эпизоды. Но Сатана шел еще дальше — он крестил вновь обращенного, издеваясь над истинным таинством крещения, и принуждал каждого наступать на крест. Далее все колдуны, вооруженные факелами, образовывали круг и танцевали, повернувшись спиной друг к другу. Ровно в полночь все падали ниц перед своим повелителем. Это была минута наивысшего поклонения. После этого начиналось пиршество. Самая старая колдунья, царица шабаша, садилась рядом с Сатаной, и все собирались вокруг трапезы. Особенно много тут поедалось жаб, трупов, печенок и сердец детей, умерших некрещеными. После пира возобновлялись танцы, причем сам Сатана не прочь был принять в них участие или же исполнять роль оркестра. Мария Девин, бедная девушка, сожженная в Валансьене, рассказывала, что она слышала, как Сатана однажды пел комическую песню. Танцы были в высшей степени циничны, и мне приходится всех любопытствующих отослать за сведениями о подробностях к оригинальным авторам, писавшим почти исключительно по-латыни.

В конце шабаша происходила *черная обедня*. Сатана, облаченный в черную ризу, восходил на алтарь и пародировал обедню, повернувшись спиной к Св. Дарохранительнице. Это служило всеобщим посмешищем — в момент возношения Св. Даров он предлагал для поклонения свеклу или крупную красную морковь. После этого толпа вновь принималась плясать до появления зари и пения петухов, тогда все исчезало и присутствующие разлетались, как стая ночных птиц, спугнутых наступлением дня. На обратном пути колдунья выбрасывала свои мази и яды на жатву своих врагов. Если путь был очень дальний, то Сатана превращал колдунью в какое-нибудь заурядное домашнее животное, чтобы она могла таким образом возвратиться домой незамеченной.

Сообщенные мною факты могли показаться читателю странными и даже смешными — нельзя не изумляться тому, что человеческий ум мог дойти до подобных заблуждений, а эпидемическое и заразительное безумие — довести несчастных галлюцинов до признания себя виновными в тех странных преступлениях, о которых я только что говорил. Но что могло показаться еще более странным, так это приемы, которые использовали суды по отношению к колдуньям. Я бы воздержался от этих подробностей, если бы они не содержали важных с медицинской точки зрения сведений.

Колдовство считалось исключительным преступлением, вот почему к нему не могли быть применены общие юридические следственные инструкции. Булла папы Иннокентия VIII запрещает обвиняемому иметь даже защитника. Иногда судилище, призванное рассмотреть процесс о колдовстве, состояло исключительно из светских лиц. Это часто практиковалось в Валансьене, где было сожжено

множество колдуний. В других случаях персонал суда был смешанным и состоял наполовину из духовных, наполовину из светских лиц, обыкновенно же там заседали только духовные лица. Как правило, на колдунью или женщину, обвиняемую в чародействе, поступал донос от ее близких. Они видели, как та бродила ночью, или зашла к соседке, у которой после того внезапно умер ребенок, или заглянула в стойло, в котором вскоре заболела скотина, или же в тот день, когда ее видели стоящей возле лужи, выпал град. Кроме того, они слышали, как она билась дома — ее муж или дети сообщали о припадках, во время которых у нее изо рта шла пена и она извивалась, принимая необычайные положения. Ввиду доноса судьи рассматривали улики, которые были призваны убедить их в виновности лица, на которое он был направлен.

Первой уликой служило само имя заподозренной женщины, хотя, по-видимому, трудно поверить в то, чтобы имя обвиняемой могло свидетельствовать против нее. Особенно убедительной уликой, по сообщению судьи Дель-Рио, служили имена вроде Рауеп (язычник), Sarrazin (сарацин), Bucher (костер), Verdelet (золотой подорожник) и пр.

Во-вторых, бледность, нечистоплотность, объяснявшаяся частыми превращениями в животных, пол (на одного колдуна приходилась тысяча ведьм), эксцентричная одежда — все это становилось весьма серьезными уликами против злосчастных обвиняемых. Суд отдавал приказ арестовать колдунью. Сбирь стерегли ее на углу улицы и набрасывались на жертву сзади, из опасения перед ее плевками и порошками, которые она могла на них бросить, после чего их ждала бы неминуемая гибель. После этого ее вели к судьям и втайне допрашивали.

Я позаимствую у человека, гордившегося тем, что он сжег на своем веку более тысячи ведьм, а именно у Богэ, сведения о судебной процедуре, применявшейся к этим несчастным. Извлекаю несколько статей: "Не следует строго придерживаться обыкновенных юридических форм против колдуний, простого подозрения достаточно для оправдания ареста. Если обвиняемая опускает глаза или бормочет в сторону, то это — серьезная улика. Не следует разрешать обвиняемой посещение бани: епископ Трирский признает это грехом. Если обвиняемая не сознается, то надо посадить ее в тесную тюрьму. Ее разрешается пытать даже в праздничный день. Если общественное мнение указывает на обвиняемую как на колдунью, то она — действительно колдунья. Сын может давать показания против отца. Преступник, подвергнувшийся наказанию, может быть свидетелем по делу о колдовстве. Малолетние тоже могут давать показания. Разногласие в показаниях не должно приниматься за доказательство невиновности обвиняемого, если все свидетели объявляют его колдуном. Он приговаривается к костру, причем колдунов перед сожжением следует душить, а волков-оборотней — сжигать живьем. Приговор может быть справедлив, несмотря на отсутствие доказательств, если человек навлек на себя подозрение". И я еще пропустил самые блестящие из этих статей!

Как правило, сначала колдунью допрашивали, стараясь доказать ее виновность. Иногда она сразу во всем сознавалась, что объясняется живостью ее галлюцинаций или страхом пытки, а впрочем, к чему могло привести отрицание вины ввиду юридических доводов, как, например следующий? Я заимствую этот факт у Аксенфельда и привожу его дословно: "Колдунья сознается в том, что вырыла недавно погребенного ребенка и съела его — ее приговаривают к сожжению. Муж осужденной требует проверки факта. Могила отрывают и находят труп ребенка в полной неприкосновенности. Но судья и не думает сдаваться перед очевидностью, а, опираясь на признание подсудимой, объявляет, что вырытый труп ребенка есть простая иллюзия, произведенная хитростью демона. Эта женщина была сожжена живьем".

По окончании допроса переходили к испытаниям. В некоторых странах, особенно в Германии, как сообщает Бейль, были распространены испытания водой (ордалии): заподозренную женщину бросали в воду, если она погружалась в нее и тонула, то это свидетельствовало о ее невиновности; если же она всплывала, то, значит, была колдуньей — и ее сжигали. Как видите, выбор был неутешительный.

Во Франции главным образом прибегали к испытаниям при помощи стилета (небольшого кинжала). Судья, которому ассистировал врач, приказывал разоблачить обвиняемую и завязать ей глаза. Затем, при помощи острого стилета, ей прокалывали кожу во многих местах, пытаясь обнаружить "печать дьявола", т. е. нечувствительное место, которое можно прокалывать, не вызывая ни капли крови.

Я сейчас докажу, что его должны были находить почти всегда. Как только такую точку находили, улика была налицо; затем судьи добивались еще признания подсудимой и выдачи ее соучастников и с этой целью прибегали к пытке. Я не имею никакого желания чрезмерно сгущать краски в изображении этих позорных фактов и если, тем не менее, сообщаю об них, то лишь с целью извлечь отсюда ряд аргументов, которые нам понадобятся впоследствии для чисто научных выводов. Перечень приемов допроса я заимствую у Люиса, долго занимавшегося этой стороной дела, и вместе с тем привожу несколько гравюр, извлеченных мною из *Диалогов о колдовстве*, напечатанных в 1659 году Абрамом Палингом.

Само собой разумеется, что пытки были разнообразны. В такого рода изобретательности католическое правосудие могло поспорить лишь с китайским. Самой обыкновенной пыткой в процессах ведьм была пытка "испанским сапогом". Ногу обвиняемой помещали между двумя пилами или досками, которые связывали веревками, а между ногами и досками вколачивали клинья. Сжатая нога в конце концов сплющивалась до такой степени, что из костей выступал мозг. Далее шла дыба. Обвиняемую привязывали руками к веревке, прикрепленной к потолку, и прицепляли к ее ногам тяжести. Ее оставляли в таком положении до тех пор, пока она не издавала мучительных воплей. Тогда судья приказывал ей сознаться, а в случае отказа ее подвергали жестокому сечению розгами, причем невольные подергивания, вызванные болью, только усиливали ее страдания. Если обвиняемая и после этого не сознавалась в своей вине, то ее подымали на гири до потолка и с этой высоты вдруг сбрасывали вниз. Эта процедура повторялась до тех пор, пока пытаемая не сознавалась.

Если дыба не давала результата, то прибегали к "деревянной кобыле". Это было трехгранное бревно с острым верхним углом, на которое верхом сажали обвиняемую. При этом к ее ногам привязывали гири. Острый клин медленно, но верно входил в тело, и при каждом новом отказе сознаться, палач прибавлял тяжесть. Мария Карлье, 13 лет, была подвергнута этой пытке в 1647 году. Пытка продолжалась несколько часов, и приходилось три раза прибавлять гири, чтобы заставить ее сознаться. Она была сожжена живьем. Вследствие ее молодости и чтобы не вызвать жалости в толпе, ее казнили на заре.

Кроме того, употреблялось еще одно средство — так называемый ошейник. Это было не что иное, как железное кольцо, утыканное изнутри гвоздями и прикрепленное к столбу. В него продевали голову обвиняемой, и в то время, как гвозди мало помалу входили в тело несчастной, ноги ее поджаривались на сильном огне. Вследствие боли она со вершала произвольные движения и таким образом как бы сама способствовала все большему и большему углублению гвоздей.

В недоумении спрашиваешь себя каким образом такие ужасные муки не вызвали немедленного признания своей вины? Не следует, впрочем, упускать из виду, что это признание немедленно повлекло бы за собой смерть на костре, без всякого снисхождения. Кроме того, многие из этих несчастных во время пытки ничего не

чувствовали, подобно нынешним колдуньям, о которых мы будем говорить далее: они были анестезированы. Иногда, вследствие страшных страданий, они даже впадали в экстаз. Их вдруг посещало видение любимого демона, и тогда они хвастались, что видят его. Он будто бы запрещал им говорить и ободрял их, обещая уничтожить все их страдания: это называлось *молчаливым очарованием*. Иногда колдунья действовала без всяких колебаний — ее страдания были так велики, что она сразу же сознавалась и выдавала соучастников. Понятно, что она указывала на кого попало, утверждая, что он был с ней на шабаше. Все оговоренные лица немедленно арестовывались и предавались суду. Однажды одна обвиняемая под пыткой оговорила жену самого судьи, и та была немедленно арестована.

После пытки оглашали приговор над колдуньей. Наказания были различны.

Нередко колдунью приговаривали к изгнанию — это бывало в тех случаях, когда доказательства окончательной вины отсутствовали. Иногда — к обезглавливанию, что случалось весьма редко. Встречаются примеры, когда колдуний бросали в чан с кипятком. Большей же частью их сжигали, предварительно удушив или же прямо живьем. В некоторых случаях колдунью жгли на медленном огне, чтобы продлить страдания и сделать их еще более мучительными. Несколько ведьм были приговорены к закапыванию живьем в землю. В Валансьене молодая девушка, 18 лет, была зарыта живой за колдовство. Крики несчастной были столь ужасны, что палачу сделалось дурно и он отказался продолжать "работу". Невозмутимый судья приказал ему закончить дело. Нередко колдунью везли на казнь, привязав ее под низ телеги и волоча по улицам ничком, при этом она постоянно ударялась о камни и покрывалась пылью и грязью.

Луиз обнаружил целый ряд счетов палачей, из которых видно, что в известных случаях им полагалась особая плата за каждую отдельную манипуляцию. Каждый счет непременно завершается требованием двух су за чистку белых перчаток. Вот правдивая, непреувеличенная картина ужасов колдовства. Чтобы довести до конца свою задачу, я должен разобрать самые известные случаи и показать читателю, в какой степени эта ужасная язва была распространена в Европе триста лет тому назад. История знаменитых колдуний начинается с имени, которое, наверное, поразит всех, так как речь идет о гордости Франции. Жанна д'Арк была приговорена к сожжению французским духовным судом по обвинению в том, что она призвала на помощь Сатану для уничтожения английской армии. Через пять лет после этой трагической смерти разнесся слух, что в местности Во объявилось много колдунов. Их специальностью было людоедство. Они набрасывались на новорожденных детей и пожирали их, и как правило начинали с собственных детей. Судья Болинген и инквизитор Эд отправили на тот свет громадное количество этих несчастных — вероятно более тысячи. Эти злосчастные безумцы были одержимы такими сильными галлюцинациями, что сами обвиняли себя в отравлении покойников, в том, что варили и съедали их. Молодой крестьянин донес на свою жену, на которой женился всего за несколько дней до этого, и с радостью ухватился за мысль, что она будет сожжена на одном костре вместе с ним. Судьи никогда не требовали доказательств и выносили приговор, основываясь только на признании подсудимого и не обращая внимания даже на то, имели ли они дело с помешанными или с психически здоровыми людьми.

Не прошло и 20 лет, как большая эпидемия охватила город Арра. Толпе женщин померещилось, что они присутствовали на шабаше. По вечерам с ними случались конвульсивные припадки, они впадали в какой-то экстаз и, просыпаясь, рассказывали самые невероятные вещи. В хрониках Монстреле упоминается о том, что многие из них были сожжены живьем, за исключением тех, кто сумел отделаться от судей презренным металлом.

Около 1500 года в Германии вдруг появилась масса колдунов. В 1484 году Иннокентий VIII издал буллу, в которой потребовал, чтобы с ними обращались с крайней строгостью. Тогда-то в Бурбии и сожгли живьем 41 женщину за то, что они будто бы ели детей, предварительно их сварив. При этом надо заметить, что в данной местности никто никогда не жаловался на исчезновение ребенка. Однако обвиняемые с гордостью объявили о своем преступлении, и этого оказалось вполне достаточно для суда. Другие 48 женщин были сожжены в Констанце за мнимое присутствие на шабаше. Одна из них похвасталась, что может немедленно вызвать бурю одним магическим словом, и ее тотчас же казнили, так как суд испугался, что она успеет привести в исполнение свою угрозу. К тому же времени относятся и вселение дьявола в монахинь Камбрейского монастыря. Они принялись сообщать мяукать, лаять, бегать, лазить по деревьям и в корчах кататься по земле.

Заклинание, посланное самим папой, не возымело никакого действия, так что больных судили и приговорили к смерти. В 1507 году произошла новая эпидемия, на этот раз в Каталонии. 30 женщин было сожжено живыми. Между 1504 и 1523 годами в Ломбардии начинается большая Комская эпидемия. Репрессивные меры против нее было поручено предпринять доминиканцам. Признаки этой болезни совпадают с теми, о которых я сообщил выше. Лечение было жестоким, так как доминиканцы сжигали более 1000 ведьм и колдунов в год.

В это время свирепствует демономания: 150 женщин высекли в Эстеле и сотню сожгли в Сарагосе. Монахини в Уверте, Бригитте и Кинторне издают вопли, прыгают и мяукают. В это же время беснуются воспитанницы амстердамского сиротского дома. Одного Дольского мономана приговаривают к костру за то, что он ел живых детей.

В Савоие сжигают 80 ведьм, в Тулузе — 400 и почти столько же в Авиньоне. В 1580 году начинается большая эпидемия в Лотарингии, где судья Николай Реми приказывает сжечь более 900 ведьм и колдунов, тогда же Богэ сжигает 600 в Сен-Клоде, а де-Ланкр — в стране басков. Здесь мы встречаем массу приговоренных к смерти детей, о которых Богэ говорит, что, ввиду несовершеннолетия преступников, их не следует сжигать живыми, а душить после того, как они почувствуют силу огня. Даже сами священники не избегают казней. Несчастный священник Гофриди начал заговариваться вследствие усиленного изучения колдовства и был сожжен живым вместе с молодой слепой девушкой. В Берри за один день сжигают 21 колдунью.

Следовательно, я не ошибся, утверждая, что колдовство было более пагубно для человечества, чем великие войны. Я уже все сказал о колдовстве в узком смысле, т. е. о той его части, которая многими авторами называлась *активным демонизмом*, поэтому теперь перехожу к другой форме помешательства — бесноватости, или *пассивному демонизму*.

У злого духа, как я уже говорил, есть два приема: он или прельщает колдунью и увлекает жертву с ее согласия, или же вселяется в нее помимо ее воли, говорит ее устами и пользуется ею для достижения зла. Бесноватыми, таким образом, могут быть даже животные. Бес может вселяться также и в трупы, превращая их в бродящих мертвецов. Бесноватые встречались во все времена. На каждом шагу упоминаются они в Библии и Евангелиях. Особенно же бесноватость волновала умы в XVII веке. Это был недуг века, подобно тому, как колдовство было болезнью XVI в., а мания величия свойственна нашему столетию.

Первая большая эпидемия такого рода произошла в Мадридском монастыре. Почти всегда в монастырях — и главным образом в женских обителях — религиозные обряды и постоянное сосредоточение на чудесном влекли за собой различные нервные расстройства, составляющие в совокупности то, что называлось бесноватостью. Мадридская эпидемия началась в монастыре бенедиктинок,